

Неизбежное искушение

Автор:

[Джосс Вуд](#)

Неизбежное искушение

Джосс Вуд

Любовный роман – Harlequin #1057 Любовь в Бостоне #4

Невеста молодого миллионера Леви Брогана – блистательная Танна Мерфи – бросила его за день до свадьбы без всяких объяснений и умчалась в Лондон. Леви тяжело пережил ее бегство, все эти годы тосковал по ней, не признаваясь в этом даже себе. Прошло 10 лет – в пустом доме, где он приходит в себя после аварии, раздается стук в дверь. На пороге он видит Танну Мерфи и понимает, что для обоих пришло время разобраться, почему они были так долго и так далеко друг от друга...

Джосс Вуд

Неизбежное искушение

Joss Wood

SECOND CHANCE TEMPTATION

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S.A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Second Chance Temptation

© 2019 by Joss Wood

«Неизбежное искушение»

© «Центрполиграф», 2021

© Перевод и издание на русском языке,

«Центрполиграф», 2021

* * *

Глава 1

Леви Бругану было больно. Болело буквально все.

Вот что происходит, когда ты вместе с мотоциклом падаешь на гравийную дорогу.

Теперь он почти не вставал с кресла, отчасти потому, что нога была закована в гипс от колена до лодыжки, но главным образом потому, что любое движение, кроме моргания, доставляло ему боль. Он не только раздробил коленную чашечку, но и порвал плечевые мышцы левой руки, и из-за этого пользоваться костылями было все равно что резать себя ножом.

О-хо-хо.

Боже, он слишком долго бравировал своей самостоятельностью, но сейчас готов признать, что ему необходима помощь.

Но только не от матери и сестер. Он любит их, но, господи, они же никогда не умолкают. И если они не говорят о свадьбе, гостях, медовом месяце, детях или цветах, то они суеются вокруг него.

К тому времени, как он вышвырнул их сегодня утром, у него началась передозировка эстрогена. Но теперь он глубоко сожалел о своей показной независимости, и весьма вероятно, что к ночи он проглотит свою гордость и отправит сигнал SOS.

Леви провел рукой по волосам, чувствуя крайнее раздражение. Его мир теперь ограничен первым этажом дома. Он не может подняться по лестнице, ведущей в спальню, поэтому спит на диване в гостиной и умывается в ванной на первом этаже. Он бы убил за горячий душ, но ему нужна помощь, чтобы воспользоваться им. Кухня же сейчас вообще для него на расстоянии в миллион миль. А он так голоден!

Леви посмотрел на свои костыли, не уверенный, хватит ли у него сил на поход за едой, и проверил уровень боли в плече. Оно все еще беспощадно ныло после прогулки до ванной. О еде не может быть и речи, во всяком случае, если он не

примет еще одну таблетку. Но каждый раз, когда он принимал обезболивающее без еды, его тошнило.

Леви услышал стук в парадную дверь и нахмурился. Его семья пользовалась задней дверью и просто громко оповещала о своем присутствии.

Семья Бруган никогда не была тихой. Парни Мерфи тоже часто заходили в гости, пользуясь задней дверью, которая редко запиралась. Деловые партнеры, которым нужно было увидеть его, сначала бы позвонили, чтобы назначить встречу, а остальные его друзья в это время на работе. А если бы у них был выходной, они дали бы ему знать об этом эсэмэской.

В общем, Леви понятия не имел, кто стучится в его дверь. Репортер? Фотограф? Пресса устроила ему засаду, когда он выходил из больницы, вспышки фотоаппаратов сделали его головную боль в сто раз сильнее. Он не ответил ни на один из их вопросов, так же как его мама и сестры. Его отец любил журналистов, но все остальные – нет. Несмотря на это, бульварная пресса уделяла им слишком много внимания, а все потому, что они были детьми самого успешного бизнесмена Бостона Рэя Бругана. А поскольку эти подонки обожали драму, в газетах появилось несколько статей о несчастном случае с Леви. Заодно читателям напомнили, что у них с отцом были непростые отношения. Пресса пришла в восторг, сообщив всему миру, что он отверг предложение Рэя возглавить компанию «Бруган» – холдинг, владеющий и управляющий компаниями в самых разных сферах бизнеса. Отмечалось также, что Леви замкнутый, сдержанный и молчаливый – совсем не такой, как его отец.

Он не был таким обаятельным, таким восхитительным, таким громогласным и таким непостоянным. И слава богу. Леви не принимал опрометчивых решений, не давал обещаний, которые не мог выполнить, не шел на огромный риск, пугая людей, которых любит. Рэй получал удовольствие от адреналина – ставил все до цента на сделки, которые могли сорваться в любой момент. Он принимал импульсивные решения, покупал компании без должной осмотрительности и называл людей, предлагавших быть осторожнее, – главным образом Леви – лишенными воображения и скучными. Успехи Рэя были просто заоблачными, неудачи – не менее впечатляющими.

Мать Леви словно каталась на американских горках. Леви, начав работать в семейной фирме после колледжа, не смог смириться с непостоянством отца и через год ушел в отставку.

Отец называл его трусом, не приспособленным к жизни в мире с высокими ставками. Леви не понимал отца, который никогда не чувствовал себя смущенным или виноватым. Он просто отмахивался от критики, и мир, казалось, любил его еще больше за самоуверенность и дерзость. Леви был полной противоположностью. Он всегда страшился неудач и ошибок, тем более публичных. Он предпочитал избегать штормов, а не идти на грозу. Ему нравилось держать себя в руках. Но мир ожидал, что он будет похож на своего отца, поэтому всякий раз, когда появлялся хоть малейший намек на импульсивность в его поведении (случай с мотоциклом явно входил в эту категорию), он попадал в эпицентр шумихи.

С помощью костыля Леви приподнял занавеску на окне в кабинете. На подъездной дорожке стоял незнакомый внедорожник, слишком дорогой, чтобы принадлежать репортеру.

Снова раздался стук, и Леви недовольно проревел: «Войдите!» Но, честно говоря, если бы ему удалось уговорить своего посетителя сделать ему бутерброд и чашку горячего кофе, он бы выслушал даже предложение об интервью или зазывные речи продавца. Вот в каком отчаянном положении он оказался.

– Я в гостиной. Дальше по коридору, вторая дверь налево. – Леви услышал, как закрылась входная дверь. Судя по неуверенным шагам, его посетитель был не из тех, кто имеет постоянный доступ в его жилище. – Ради бога, – нетерпеливо пробормотал Леви. – Вторая дверь налево.

– Слышала, не глухая.

Она уже стояла в дверях, и Леви остолбенел, гадая, не вызывают ли это видение его мощные болеутоляющие галлюцинации. Черные джинсы и тонкий свитер мятного цвета облегли ее фигуру под кожаной курткой. Яркий шарф скрывал кудри, а лицо несколько исхудало, казалось старше, но, господи, оставалось все таким же прекрасным. Леви вцепился в подлокотник кресла, борясь с инстинктивным желанием броситься к ней, прижать к себе и зарыться лицом в ее блестящие волосы, вдохнуть аромат ее кожи.

Он хотел раздеть ее, почувствовать ее округлую грудь в своей руке, узнать, действительно ли ее соски такие сочные, как он думает, ее сердцевина такая же

теплая, такая же пряная, как и все остальное в ней. Прошло так много времени, и Леви был потрясен тем, как сильно хочет ее.

Не в силах остановиться, он впитывал в себя ее образ. Светло-зеленые глаза, обрамленные густыми черными ресницами, завораживали его, и он любил водить большими пальцами по этим высоким скулам и упрямому подбородку. Он был зависим от ее широкого сексуального рта, полных губ, и он обожал ее вьющиеся черные как уголь волосы. Благодаря генам бенгальской бабушки кожа Танны была смуглой – всегда казалось, что она только-только вернулась из шестинедельного отпуска под жарким карибским солнцем.

Танна была теплым бризом и жарким пляжным костром, ее тело было создано, чтобы носить бикини, а еще лучше – вообще ничего. Она была горячим солнцем, падающей звездой, голубым небом, счастьем...

Но до того, как испортила ему жизнь и выставила его идиотом перед семьей и всем миром. До того, как она ушла, и его жизнь перевернулась с ног на голову. Ему не стоит видеть ее снова, не стоит слышать, что она хочет сказать. Он чертовски усердно трудился, чтобы справиться с ее уходом и устроить себе приятную жизнь, он сознательно пытался забыть ее. Как и Рэй, она внесла хаос в его жизнь, и он больше никогда не хотел чувствовать себя так, будто выпал из самолета без парашюта. С ней покончено. Так надо.

– Какого черта ты здесь делаешь, Танна? – наконец спросил он.

– Мне нужно поговорить с тобой, – ответила она, войдя в комнату и встав у кресла.

Он увидел, как ее взгляд метнулся к его ноге.

– Что случилось?

– Упал с мотоцикла, – коротко ответил Леви. Он дернул головой, надеясь, что она не замечает мелкую дрожь его рук. – Ты знаешь, где выход.

Танна проигнорировала намек и села на стул, поставив свою сумку на пол.

– Нам нужно поговорить, Леви.

Хочет ли он услышать хоть что-нибудь из того, что она собирается сказать? Черт возьми, нет! И, черт возьми, да! Нет, потому что ее уход незадолго до свадьбы без объяснения причин отбил у него охоту предаваться воспоминаниям десять с лишним лет спустя. И да, потому что, черт побери, это же Танна. Единственная женщина, из-за которой у Леви перехватывает дыхание, а сердце бьется неровно.

Самодостаточный и сдержанный, он с трудом заводил друзей и до Танны Мерфи ни разу не влюблялся. В течение нескольких месяцев после ее ухода он чувствовал себя так, словно у него сломаны ребра, и каждый вдох причинял ему боль.

Он любил ее, жаждал ее, готов был перевернуть небо и землю ради нее. И из-за его статуса расторгнутая помолвка попала во все газеты на Восточном побережье. И на Западном побережье тоже. Боже, его выставили деревенским дурачком.

– Просто уноси отсюда свою хорошенькую задницу, Мерфи.

Танна склонила голову, и Леви заметил решимость в ее глазах. Проклятие. Он узнал этот взгляд – достаточно изучил его, когда она сама пострадала в аварии, еще до их помолвки. Танна не принимала ответ «нет». И так как он не мог насильно вывести ее из своего дома, ему придется выслушать ее.

Леви хмуро посмотрел на свою правую ногу, лежащую на маленькой тахте. Он в значительной мере пленник, и это раздражает. Но если ему придется выслушать чушь, которую она собирается ему сказать, то надо извлечь из этого хоть какую-то пользу. Он прищурился, глядя на Танну.

– У тебя пять минут, если приготовишь мне чашку кофе.

– Пятнадцать.

– Десять, но за это я хочу кофе и сэндвич, – парировал Леви.

У Танны хватило наглости улыбнуться ему.

– Или я не сделаю ни того ни другого и буду просто сидеть здесь и смотреть на тебя, пока ты не сдашься.

Леви поднял телефон и помахал им.

– Или я могу набрать 911 и предъявить тебе обвинение в незаконном проникновении.

Он увидел, что Танна колеблется.

– Я был уверен, что ты все поймешь, – сказал Леви, когда она встала. – Все необходимое в кухне. И не думай, что меня устроит хлеб с вареньем. Там есть мясо, салат и множество приправ. Накладывай все, что есть, принцесса.

Танна напряглась, услышав свое старое прозвище. Раньше он произносил его с любовью. Теперь в его голосе звучали только сарказм и раздражение. Уж он позаботился об этом.

Танна вышла из кабинета, и Леви провел обеими руками по волосам. Он действительно хотел бутерброд, главным образом чтобы принять обезболивающее, но был готов смириться с болью, если это означало, что Танна покинет его дом и его жизнь.

Танна Мерфи умела все чертовски усложнять, а он всегда стремился к простоте.

Танна прошла в кухню, направилась к огромному холодильнику, прислонилась лбом к его прохладной двери, пытаясь контролировать дыхание. Ее взятая напрокат машина была припаркована на подъездной дорожке, и она боролась с желанием выйти через парадную дверь и поехать обратно в Бикон-Хилл или, еще лучше, в аэропорт.

«Ты обещала, что сделаешь это, Мерфи», – сказала она себе.

Она поклялась себе, что сделает все, чтобы побороть симптомы посттравматического стрессового расстройства, или ПТСР, которое внезапно

дало о себе знать перед ее отъездом из Лондона. Триггер определить было легко. Она выехала на крупную аварию, причиной которой стала темноволосая и темноглазая девушка. Она была похожа на Эдди, и от этого Танна впала в ступор. Через минуту ее коллега оказал пострадавшей необходимую помощь, и с этого момента Танна стала страдать от приступов тревоги и воспоминаний о собственной аварии.

Ее отправили в отпуск по болезни, и по совету лондонского терапевта она вернулась в Бостон, чтобы взглянуть в лицо своему прошлому. Но друзьям и близким она сказала, что решила отдохнуть от работы. Ее чрезмерно заботливым братьям не стоило слышать о демонах, с которыми она борется.

Танна выдвинула стул из-под большого деревянного стола. Она посидит здесь минутку, соберется с духом, потому что, черт возьми, ей это нужно. Она должна встретиться с прошлым, чтобы вернуться к работе. Кому нужен работник неотложки, который задыхается во время кризисных ситуаций?

Танна вернулась в Бостон всего неделю назад, и местный терапевт уже заставила ее рассказать о своих воспоминаниях и о несчастном случае. Она съездила с Танной на место катастрофы и настаивала, чтобы та поговорила с людьми, пострадавшими в результате аварии. Например, с Айлой, потерявшей тогда свою единственную дочь, Эдди. Их беседа прошла не слишком гладко. Танна едва сдержала слезы. Эдди была умна, красива и невероятно трудолюбива. Она работала в колледже, совмещая две работы и учебу с легкостью и юмором. Ночь аварии была первой за несколько месяцев, когда она позволила себе немного развлечься.

Это было несправедливо, что именно Эдди, абсолютно трезвая, самая зрелая и ответственная личность в их группе друзей, погибла в катастрофе. И Айла чувствовала то же самое. Танна понимала точку зрения Айлы: Эдди, бедная, но гордая, училась на социального работника и в свободное время работала в столовых и приютах для бездомных животных. Танна, ребенок обеспеченных родителей, уделяла мало внимания учебе, но была полностью поглощена вечеринками с друзьями. Эдди вела машину Танны, потому что та выпила. Будучи неопытным водителем, она не справилась с мощным кабриолетом.

Танна не винила Айлу за ее злость: бесполезная тусовщица выжила, а милая Эдди – нет. И Танна не просто выжила, она еще и влюбилась в парня, который ехал позади них и держал ее за руку, пока они ждали прибытия

«скорой». И этот парень к тому же оказался сыном известного миллиардера.

А потом Леви надел ей на палец бриллиант. Танне сказали, что ей исключительно повезло, что она осталась в живых. А еще больше повезло, что у ее семьи были средства на лечение. Как сказала Айла, она счастливица – обманула смерть и вышла из ужасной ситуации всего лишь с парой шрамов на руке и великолепным мужчиной в придачу.

И именно поэтому она сбежала от своего привилегированного образа жизни и замечательного жениха десять лет назад. Только так она могла справиться с чувством вины. Она должна была стать кем угодно, но только не избалованной принцессой с безлимитными кредитками. Она должна была ради Эдди стать лучше. Должна была искупить свое везение трудом и страданиями.

Танна вздохнула. Ее разговор с Айлой был коротким и неприятным, но он закончился. Теперь ей надо поговорить с Леви...

Он хорошо выглядит, надо признать. А если не обращать внимания на бледность, то вообще прекрасно. В двадцать четыре он был красавчик: высокий, стройный, с темно-каштановыми волосами и синими глазами. Но каким-то несправедливым образом через десять лет Леви Броган стал еще лучше. Он кажется более мускулистым и мужественным. К сожалению, ее экс-жених, даже помятый и немного поломанный, красив и опасен, как дикий огонь.

Танна все еще переживала из-за своего побега. Она оставила обручальное кольцо на столике в холле вместе с письмом в конверте. Она могла бы объяснить, что измучена чувством вины и поэтому передумала выходить замуж так рано. Она могла бы сказать, что не знает, не путает ли она благодарность с любовью... Могла бы. Но не сказала... Сквозь слезы, с разбитым сердцем она просто написала, что, увы, не может выйти за него замуж. Танна ни секунды не сожалела о принятом решении, но она сожалела о том, что причинила боль Леви. О том, что у нее не хватило мужества встретиться с ним лицом к лицу.

Она боялась, что никогда не станет кем-то большим, чем обожаемая сестра своих братьев, жена Леви, светская львица с огромным состоянием. А она хотела быть человеком, который отдает, а не берет. И со временем она надеялась почувствовать себя менее виноватой. Однако пока этого не случилось.

Танна сомневалась, что это вообще когда-нибудь произойдет. И поэтому она будет работать над тем, что пока может контролировать.

Глава 2

Кэррик, самый старший из четырех Мерфи, стоял в освещенном кабинете и смотрел на двух своих братьев. Финн, как обычно, завис в смартфоне, время от времени потягивая кофе из смешной кружки – шуточного рождественского подарка Танны, сделанного много лет назад. Ронан стоял рядом и смотрел в окно, витая мыслями где-то очень далеко.

Кэррик провел рукой по своим темным волосам и потер челюсть. Он знал, что многие бостонцы смотрят на них, трех богатых и симпатичных братьев-холостяков и их привлекательную младшую сестру, и думают, что они живут волшебной жизнью. Сторонние наблюдатели с легкостью забывали о том, что они потеряли родителей, что Танна только чудом не погибла в аварии. Брак Кэррика распался, жена Ронана умерла, Финн и Бич развелись, а Танна уехала из Бостона... Люди редко видят изнанку богатства и успеха.

Раздраженный этими мыслями, Кэррик постучал костяшками пальцев по столу. Две пары зеленых глаз уставились на него.

– Прежде чем мы приступим к работе, давайте обсудим Танну.

– С ней что-то не так, – сказал Ронан.

Кэррик кивнул.

– Не могу понять, почему она на самом деле вернулась в город, ведь Танна не ездит в отпуск. – Ронан подошел к кофеварке, поставил чашку и нажал кнопку запуска.

– А почему она должна жить в Лондоне? Она может спасти жизни и здесь.

– Мы не можем заставить ее вернуться в Бостон. Это просто вынудит ее бежать в противоположном направлении, – сказал Финн, положив руки на стопку папок. – Она упрямее всех нас, вместе взятых.

Упрямая и решительная. И только благодаря этому она ходит после того, как лучшие специалисты страны отказались в это верить. Десять лет спустя никто бы не заподозрил, что их энергичная сестра провела пять месяцев в больнице после того, как ее правая бедренная кость вошла в таз, а на левой лодыжке образовался так называемый фонтанный разлом. Единственными признаками того ада, который ей пришлось пережить, были несколько багровых шрамов.

– А Леви в курсе, что она вернулась? – спросил Финн.

Кэррик пожал плечами.

– Может, стоит предупредить его? – спросил Ронан.

Леви и братья Мерфи остались друзьями после его разрыва с Танной, но Леви никогда не говорил об их сестре, отказывался смотреть на ее фотографии в доме Мерфи на Бикон-Хилл. По его поведению никто не заподозрил бы, что он когда-то любил Танну.

Хотя все они много общались с Леви, с Кэрриком у него были самые близкие отношения. Так что нести весть, как хорошую, так и плохую, было его обязанностью.

– Я скажу ему. – Он взял телефон и набрал номер друга. – Просто хочу сообщить, что Танна вернулась в город и пробудет здесь полтора месяца.

Леви немного помолчал. А когда заговорил, его тон был холоднее арктической метели.

– Слишком поздно. Она уже здесь.

Кэррик услышал, как телефон отключился, и покачал головой.

– Леви действительно должен стать сдержаннее.

Ронан улыбнулся сарказму Кэррика.

– Да. Он и впрямь не должен быть таким открытым и эмоциональным. – Рон откинулся на спинку дивана и закинул ногу на ногу.

– У меня есть новости... – сказал Финн после минутного молчания.

Обрадованный тем, что можно больше не обсуждать сестру и лучшего друга, Кэррик переключил внимание на Финна. Его младший брат обычно был хладнокровным и собранным, поэтому было странно видеть волнение на его лице.

– Как вам известно, Изабель Маунтинг-Мэтьюз завещала все свое состояние Кэлли Мэтьюз и Джоан Джонс, которых взяла к себе, когда Джоан было четырнадцать. Кэлли и Джоан решили продать большую часть обширной коллекции Изабель, чтобы собрать средства для их фонда, и торгами занимаемся мы.

Компания, которую они унаследовали, «Мерфи интернэшнл», была одним из лучших аукционных домов в мире. Через их руки проходили самые редкие и качественные предметы искусства. Продажа хорошо задокументированной коллекции Изабель станет одним из крупнейших аукционов за последнее десятилетие. Предметы коллекции давно вызвали ажиотаж в кругах состоятельных ценителей искусства.

– Я каталогизировал коллекцию и наткнулся на три картины, которые, как мне кажется, могут оказаться «спящими»...

Кэррик обменялся быстрым взволнованным взглядом с Ронаном. «Спящими» они называли произведения искусства, чья реальная ценность или авторство были не замечены либо владельцем, либо продавцами.

– Кили сказала, что Изабель думает, будто это картины Уинслоу Гомера. Две сомнительные, но одна наводит на мысль, что это возможно.

– Доказательства? – спросил Ронан.

Финн покачал головой:

– Ничего, кроме подозрений Изабель. Но, черт возьми, картина, которую я видел, выглядит как одно из его изображений афроамериканской сельской жизни.

– Утерянный Уинслоу Гомер?

Гомер был одним из самых почитаемых художников страны, и его утраченная картина взбудоражила бы весь мир искусства. Кэррик и сам был бы в восторге, но он прекрасно знал, что мошенники любят подделывать Гомера.

– Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Ронан посмотрел на Финна, который был их местным экспертом по истории искусств.

– Разберешься?

– Я бы с удовольствием, но меня заклинило. И я думаю, нам нужен специалист по американским художникам девятнадцатого века. – Финн указал на телефон Кэррика.

– Если картины принадлежат Гомеру, то их подлинность должен подтвердить сами знаете кто.

«Сами знаете кто», «Та, которую нельзя называть», «Невеста сатаны». Также известная как его бывшая жена.

Тамлин написала систематический каталог, основательную работу, подробно описывающую все работы Уинслоу Гомера. Если Тамлин не поверит, что картины принадлежат Гомеру, то они гроша ломаного не стоят.

– Нам нужен специалист, которому доверяет Тамлин, чтобы провести экспертизу подлинности картин, – заявил Финн. – Тамлин пользуется любой возможностью, чтобы запятнать твое имя, Кэррик. Она достаточно мстительна, чтобы отвергнуть эти картины только потому, что ее внимание к ним привлек ты. Но если мы найдем кого-то, кого она уважает, у нас есть шанс получить достойный

результат.

Брак Кэррика и Тамлин был недолгим. Теперь он глубоко сожалел об этих отношениях. Они оба были до смешного несчастны, и, когда через год он попросил развода, Тамлин наказала его, протащив его репутацию через суд общественного мнения. Поскольку публично он так ничего и не сказал в свою защиту, в определенных кругах Кэррика все еще считали в лучшем случае плохим мужем, а в худшем – прелюбодеем.

Хорошо, что ему наплевать на чужое мнение. По крайней мере, его репутация честного торговца произведениями искусства и аукциониста не пострадала, и только это и имело значение.

– Ладно, я понял. – Он посмотрел на Финна. – Найди мне детектива-искусствоведа, чье мнение уважает Тамлин Смит.

– Найду, – сказал Финн, и его губы изогнулись в улыбке. – Для тебя – Тамлин Смит-Мерфи, сынок.

Кэррик с трудом подавил желание прикрикнуть на младшего брата. Финн все время его поддразнивал, и он научился не отвечать. Но он хотел, чтобы Тамлин перестала использовать его фамилию. Да, она высококлассный эксперт, и в мире искусства имя Мерфи добавляет ей авторитета. Вот только если ты затрахала бывшего мужа до смерти – физически, финансово и морально, – то какое ты имеешь право на его фамилию?

– Пусть это будет эксперт с безупречными рекомендациями. Чем раньше мы установим происхождение товара, тем эффективнее его прорекламируем к началу торгов.

Ронан кивнул:

– Эта распродажа обещает быть грандиозной.

Кэррик согласился:

– И прибыльной.

* * *

Танна поставила тарелку с бутербродами и кружку кофе на маленький столик. Леви немедленно поднес ее ко рту, и стон удовольствия, сорвавшийся с его губ, напомнил ей, как они целовались. Для двух людей, которые собирались связать себя узами брака, они позволяли себе не слишком много проявлений любви не только на публике, но и наедине.

Первые несколько месяцев их отношений, сразу после аварии, она испытывала слишком много боли. А когда ей наконец стало лучше, Леви обращался с ней как с хрустальной вазой. После больницы ей все еще нужно было время, чтобы прийти в себя, и, когда она восстановила большую часть подвижности, она была настолько смущена своими эмоциями, что попросила Леви подождать до первой брачной ночи.

Он мягко поддразнивал ее за старомодность, и она чувствовала себя виноватой, потому что мораль не имела никакого отношения к ее решению. У нее было достаточно сомнений относительно своего будущего и без секса.

То, что она не занималась любовью с Леви, что он не был ее первым мужчиной, стало одним из ее самых глубоких сожалений.

Танна оглядела комнату. Она была в этом доме всего несколько раз. Тогда в нем жили родители Леви, и Танна влюбилась в просторный особняк, наполненный светом.

Комнаты, благодаря Кэлли украшенные изящными вещами, казались обжитыми, уютными и одновременно изысканными. Хотя теперь это был дом Леви, он все еще хранил следы творческого таланта его матери.

Танна не могла отделаться от мысли о том, что если бы она осталась, то это был бы и ее дом. На стенах висели бы фотографии ее родных и ее любимые картины, стояли бы предметы мебели, доставшиеся ей в наследство от родителей. Но все, чем она владеет, находится в ее квартире в Лондоне, и у них с Леви больше нет возможности соединить свои судьбы и свое имущество.

– Мне нравится эта комната, – сказала она, игнорируя хмурый взгляд Леви.

– Она не заполнена бесценными произведениями искусства, как дом твоего детства, но это нормально.

Будучи потомственными аукционистами и торговцами произведениями искусства, ее родственники собрали невероятную коллекцию. Большинство предметов украшало стены их дома в Бикон-Хилл. Например, в ее спальне висел набросок Дега и акварель Джорджии О’Кифф.

Танна выросла в окружении картин, текстиля и керамики и планировала, как и братья, присоединиться к семейному бизнесу, пойти в отдел пиара и рекламы их аукционного дома. Но она уже много лет не была в Бостоне, а с тех пор, как с ней произошел несчастный случай, не заходила в офис компании «Мерфи». Потому что когда-то это был ее второй дом.

Только в «Мерфи» она чувствовала себя совершенно спокойно и счастливо. Она боготворила искусство во всех его проявлениях, любила говорить о нем, а также находиться среди людей, которые ценили его так же сильно, как она. Каждый раз, приезжая домой, Танна знала, что если она войдет в «Мерфи интернэшнл», то начнет сомневаться в своем решении стать врачом скорой. Поэтому она избегала семейного бизнеса. И, насколько это было возможно, избегала Бостон.

Танна вздохнула.

– Мне надо было просто остаться в Лондоне, – сказала она, обращаясь в основном к самой себе.

– Совершенно с тобой согласен. Не бойся туда вернуться.

Она бы сделала это, если бы могла, но это невозможно, пока она не возьмет под контроль симптомы посттравматического расстройства. И кто знает, как много ей придется работать и сколько времени уйдет на достижение этой цели? Желудок Танны сжался, а мышцы шеи напряглись.

Расслабься, Танна.

Сосредоточившись на дыхании, она отогнала от себя негативные мысли. Ей просто нужно немного времени, чтобы прийти в себя. Несчастный случай

произошел давно, и сейчас она здорова. Ей надоело быть заложницей своих страхов. Она любит неотложную медицину, и возможность помогать другим для нее очень важна. Она в неоплатном долгу перед работниками скорой: ее сердце дважды останавливалось по дороге в больницу. Единственный способ выразить свою благодарность – помогать другим.

К сожалению, выплата этого долга сопровождалась приступами паники, воспоминаниями и холодным потом. И ей нужно научиться контролировать свои эмоции на работе. В конце концов, симптомы ПТСР ее не убьют. Хотя иногда казалось, что так оно и будет.

Танна снова попыталась завязать разговор:

– Мне очень жаль твоего отца, Леви. Я знаю, что это случилось много лет назад, но мне все еще жаль.

– Как ты и сказала, это было давно.

– И я где-то читала, что твоя семья продала компанию Рэя после его смерти. Наверное, тяжело было потерять и отца, и компанию.

– Не совсем так.

Она надеялась, что он имеет в виду потерю компании, а не смерть отца. Леви, которого она помнила, был скрытным и сдержанным, но он никогда не был жестоким.

– Есть ли смысл в этом бессмысленном разговоре? Поскольку ты ушла от меня, не думаю, что тебе особо интересна моя жизнь. А мне, в свою очередь, все равно, как ты провела последние десять лет, Танна.

– Я врач скорой помощи.

Заметив проблеск удивления в его глазах, она выпалила свой вопрос:

– Ты ни разу не спросил братьев, где я и что делаю?

– Ты бросила меня, забила на наши планы, так что я не чувствовал необходимости следить за твоей жизнью, – парировал Леви. – Говори, что хотела, и уходи.

Его небрежный приказ и ожидание, что ему немедленно подчинятся, взбесили ее.

Танна неспешно подошла к креслу и опустилась на него, устраиваясь поудобнее. Леви взял сэндвич и снова поторопил ее:

– Рассказывай. И побыстрее.

Она так часто представляла эту встречу, репетировала, что сказать, но теперь тщательно продуманные реплики вылетели из головы. Видя, как нарастает нетерпение Леви, она заставила себя заговорить:

– Я не бросила тебя у самого алтаря, но это было почти то же самое.

– Ты ушла сразу после репетиции свадебного приема. За какие-то двадцать четыре часа до церемонии, – сказал Леви, бросив едва тронутый сэндвич на тарелку.

Танна заставила себя выдержать его взгляд.

– Мне не следовало уезжать, не поговорив с тобой, не попрощавшись, не объяснив.

– Бесспорно.

– Я была не права, мне следовало набраться храбрости и встретиться с тобой лицом к лицу. Сбежать, оставив письмо, было проще.

– Да, после того, как я наблюдал, как ты сражаешься, чтобы оправиться от своих ран, как ты снова учишься ходить, я был удивлен отсутствию у тебя храбрости. И порядочности.

Танна почувствовала, как ей в спину вонзился нож. Но она не могла поспорить с утверждением Леви. Как бы ей хотелось сказать ему правду! Что она не могла поговорить с ним перед отъездом, потому что он отмахнулся бы от ее страхов, как от предсвадебного мандража. Он бы убедил ее, что они поступают правильно, и она бы послушалась. И была бы несчастна. И злилась бы на себя за то, что не смогла противостоять.

– Моя мама отменила свадьбу, обзвонила всех и вернула подарки. Рождество в тот год было довольно дерьмовым. – Леви вонзил нож еще глубже. – Зато мы попали на первые полосы газет на несколько недель. Пресса преследовала нас повсюду, тыча камерами в лицо, требуя комментариев. Да, лучшее Рождество на свете.

Танна поморщилась. Она спросила о журналистах, но Кэррик сказал ей, чтобы она не беспокоилась об этом, и она не беспокоилась. В тот момент она пыталась построить новую жизнь, найти новую норму.

– Может, когда-нибудь ты позволишь мне объяснить.

Лицо Леви напоминало Берингово море в разгар зимы.

Танна кивнула и вытерла влажные руки о бедра.

– Ну, мне очень жаль. Жаль, что я ничего не могу сделать, чтобы загладить свою вину.

Леви пристально смотрел на нее, и Танна почти что видела, как напряженно работают его серые клеточки. Он что-то задумал, и Танна посмотрела на дверь в соседнюю комнату – ее внутренний радар велел ей уйти сейчас же. Что бы Леви ни собирался сказать, это перевернет ее жизнь с ног на голову.

– Кэррик говорит, что ты пробудешь в городе шесть недель...

– Плюс-минус, – подтвердила Танна, гадая, к чему он клонит.

Улыбка Леви была полна сарказма.

– Говоришь, хочешь загладить вину?

Да, она готова сделать что угодно ради этого.

– Что ты имеешь в виду?

Леви снова взял кружку с кофе.

– Мне больно это признавать, но стало совершенно очевидно, что мне нужна помощь. Я могу ходить, но это ужасно больно...

– Так и должно быть, если ты сломал коленную чашечку.

– С гипсом я справляюсь. Это раздражает, но с этим можно жить. Но я не могу много ходить, потому что пользоваться костылями чертовски больно. Так что было бы неплохо иметь золотую рыбку на посылках. Кого-то в моем полном распоряжении. Кого-то, кому я могу приказывать, – Леви осклабился, – потому что он мне должен.

Вот дерьмо. Во что она вляпалась...

Глава 3

Черт побери, она в долгу перед ним.

Танна должна ему за то, что отказалась от их помолвки, сбежала со свадьбы, перечеркнув все их планы. Не важно, сколько часов он провел у ее постели, обнимая ее, пока она плакала от боли и разочарования. Это был его выбор, и он жил им.

Но это был ее выбор – согласиться на его предложение, на свадьбу, сказать «да», хотя на самом деле она имела в виду «нет». Недели и месяцы после ее побега были адом. Ему постоянно приходилось иметь дело с фальшивым сочувствием людей, больше озабоченных сплетнями, чем его состоянием. Он

ненавидел прессу за то, что она сделала его, скрытного интроверта, забавой для публики. Танна в долгу перед ним за бессонные ночи, которые он провел, сомневаясь в собственных суждениях, за то, что заставила его думать, что просить ее руки было не самым умным решением. За месяцы и годы переживаний.

Она. Ему. Должна.

И да, при этом он действительно все еще хочет переспать с ней. Даже больше, чем раньше. Десять лет превратили ее из стеснительной девушки в уверенную в себе женщину, и он не чувствует необходимости сдерживать свои реакции, выбирать слова. Танна может дать столько же, сколько получила. И она потрясающая, а он ранен, а не мертв. Леви провел рукой по лицу, чувствуя пульсирующую боль в плече, ноге и – да, в члене. В прошлом он никогда не позволял их физическому взаимодействию выходить за рамки пары легких поцелуев. Дело не в том, что он не желал ее. Ему было двадцать четыре, и он был вибрирующим гормоном, а она была красивой, поразительной девушкой.

Но она была травмирована, и каждый раз, когда он хотел углубить их физическую связь, он вспоминал ее, прижатую к искореженному автомобильному сиденью, ее зеленые глаза, расширенные от шока и боли, ее тонкий голос, спрашивающий, умрет ли она. Он ясно помнил, как велел ей не смотреть на Эдди, которая на водительском месте навалилась на руль, окровавленная и безучастная.

В течение месяцев, последовавших за той ужасной ночью, он чувствовал, что влюбляется все больше, очарованный свирепой храбростью Танны. Он страстно желал ее, но обещал себе, что не будет настаивать на физической близости. Он был крупным парнем, на сотню фунтов тяжелее ее, и он боялся, что нечаянно сделает что-то, что помешает ее выздоровлению. Он сдерживал свое влечение.

Когда Танну наконец выписали, она, любуясь его кольцом, попросила еще немного времени, чтобы отложить близость до свадьбы. Это, конечно, было довольно жирным намеком, что все не так уж хорошо. Танна уже не была ни слабой, ни хрупкой. И возжелание, которое он испытывал по отношению к ней тогда, было детской версией той горячей, страстной эмоции, которая бурлила в его теле сегодня. Танна была подтянутой, здоровой, энергичной, и он знал, что не навредит ей. Ни физически, ни ментально.

По сравнению с тем, что было десять лет назад, она была вполне благополучна. Она была сильной. Дерзкой. И видит бог, он никогда не мог устоять перед вызовом. Расплата будет наслаждением. Мечь – блаженством.

Леви наблюдал, как Танна пытается найти способ сказать «нет». Она открыла рот, но ожидаемое оправдание не прозвучало. Вместо этого она задала вопрос:

– Сколько времени мне понадобится, чтобы отработать свой долг?

– Это означает «да»?

– Нет, это вопрос, – сказала Танна. – Как долго?

Как только он сможет пользоваться костылями, он сумеет передвигаться. Но все равно не сможет сесть за руль. А ему надо добраться до своего бизнеса – до причалов, верфи и прочих объектов, которыми он управляет от имени семейного траста Бруганов. Да, он может брать отгулы сколь угодно долго. Он мог бы уйти в отставку хоть завтра, если бы захотел. Но он не хочет. Работа поддерживает его мозг в тонусе, позволяет сохранять контроль над ситуацией, а значит – душевное спокойствие.

– Мне нельзя нагружать ногу в течение шести – восьми недель, – ответил Леви. – Мне нужен кто-то в помощь еще на две недели, а после этого – на неполный рабочий день, по крайней мере еще на четыре недели.

– Твои сестры и мама не могут помочь тебе? – спросила Танна, ища спасения.

– Конечно, могут, но они мне нравятся. Я не понимаю, почему они должны мириться с моим плохим настроением, когда на этот случай есть ты.

– Потому что я у тебя в долгу, – сказала Танна несчастным голосом.

Да, это так. И еще потому, что он не мог представить, как она снова уйдет из его жизни, пока он не узнает каждый дюйм ее восхитительного тела. Он жаждет возмездия.

«Запомни это, Броган. Секс и месть – единственные причины, по которым ты настаиваешь, чтобы она осталась».

Леви снова посмотрел на нее и сглотнул, удивляясь, почему у него так пересохло во рту. Его сердце колотилось о грудную клетку, желудок присоединился к восстанию. Что, черт возьми, с ним происходит?!

Ему больно, он возбужден, и он... немного напуган. Никто и никогда не действовал на него так, как Танна Мерфи.

Черт.

«Ладно, Броган, хватит болтовни. Держи спину прямо».

Это ведь нормально – немного увлечься мыслями о том, каково будет сжать Танну в объятиях, обнаженную, нежную и такую невероятно женственную. Но секс – это все, что его интересует. Он не настолько глуп, чтобы дать ей что-то еще.

– Я так не думаю, Леви. – Танна покачала головой. – Это плохая идея, и я не понимаю, почему я должна отказаться от своего... отпуска, чтобы быть в твоём полном распоряжении.

Почему она заколебалась, когда сказала «отпуск»? Она вернулась в Бостон по другой причине?

– Я не прошу тебя приклеиться ко мне, Танна. Мне просто нужно, чтобы ты переехала сюда, помогла с едой, отвезла меня на работу и обратно.

– Ты еще не готов вернуться к работе, – сказала Танна властным тоном.

Леви приподнял брови, удивляясь ее самоуверенности.

– Но скоро смогу, – возразил он. – В любом случае, как я уже говорил, ты нужна мне на пару часов в день. Остальное время будет принадлежать тебе.

– Очень мило с твоей стороны.

Леви не позволил ей увидеть его улыбку. Агрессивную и саркастичную.

Все лучше и лучше. И он рад этому. Если бы Танна была такой же скромной, жаждущей угодить девушкой, какой была раньше, он, вероятно, не сделал бы этого предложения и не был бы и наполовину так заинтересован в ней.

В двадцать четыре года он был счастлив, что его самолюбие удовлетворено; в тридцать четыре ему нравились женщины, которые противостояли ему, которые не боялись высказывать свое мнение. Его окружали сильные, смелые, самоуверенные девушки, и если он когда-нибудь задумается о новых отношениях – в весьма отдаленной перспективе, – то ему нужна женщина, способная стоять на своих ногах.

Став голосом разума, когда амбиции его отца превзошли здравый смысл, Леви не мог припомнить времени, когда он не чувствовал себя ответственным за мать и сестер. После смерти отца Леви курировал продажи их компании и управлял миллиардами семейного траста. Надо признать, ген спасателя у него в крови. Но его мама и сестры прекрасно могут позаботиться о себе, и, хотя они были рады, что он распоряжается семейными деньгами, ему не раз говорили, что не нужно беспокоиться об их эмоциональном благополучии.

У них есть свои мужчины, которые достаточно заботятся о них.

Но он все равно чувствовал ответственность. Вероятно, так будет всегда. Они – его кровь, часть его души. Танна, да и любая другая женщина, не заслуживают такой большой доли его сердца. Было слишком больно, когда его вернули ему, истерзанное и покрытое синяками.

Господи, Броган, хватит мелодрамы.

Это честная сделка. Ему просто нужен помощник.

– Пара обедов, пара поездок, немного работы по хозяйству – вот и все, что мне от тебя нужно. – Леви заерзал в кресле, и боль пронзила его, впиваясь когтями в тело. Ему потребовались все его силы, чтобы не дать Танне увидеть, каким слабым и несчастным он себя чувствует.

Крошечная морщинка появилась меж ее бровей.

– Тебе больно.

Черт побери, что случилось с его непроницаемой маской? Не желая уступить ей ни на дюйм, он издал звук, который, как он надеялся, прозвучал как насмешка.

– Ради бога!

– Боже, спаси меня от упрямых мужчин, – пробормотала Танна.

– Я в порядке, Мерфи. – Какая ложь...

Откинув голову назад, Леви изо всех сил старался держать глаза открытыми, проклиная себя за то, что так устал. Иногда ему удавалось проигнорировать боль и заснуть, и он чувствовал, что это один из таких моментов. Его измученное тело нуждалось во сне, но он не хотел засыпать сейчас. Если он отключится, Танна уйдет, и он, возможно, никогда больше ее не увидит. Леви схватил ее за запястье.

– Ты будешь здесь, когда я проснусь?

Танна помотала головой:

– Скорее всего, нет.

Его пронзило разочарование.

Танна не пыталась вырвать свою руку, и ее кожа была такой мягкой, такой гладкой. Ему показалось, что он услышал ее вздох, а голос, когда она заговорила, доносился откуда-то издалека.

– У меня есть дела. Мне нужно поговорить с братьями, объяснить, что я буду здесь делать. Вернусь через пару часов.

– Обещаешь?

– Да. А теперь спи, Леви.

Леви надеялся, что скоро увидит ее снова. Но только потому, сурово напомнил он себе, засыпая, что он нуждается в помощи. И потому, что ему очень, очень, очень хочется увидеть ее обнаженной.

Аукционный дом на входе украшала надпись «Мерфи интернэшнл» – белым поперек кроваво-красного. Это было просто, эффектно и красиво, и Танна ощутила знакомый прилив гордости.

Ее прадед основал компанию, передал ее деду, потом отцу, а теперь ее братья управляли всемирно известным аукционным домом с филиалами по всему миру. Она была единственной из Мерфи, кто работал в совершенно другой области.

От этой мысли ей стало грустно. Танна засунула руки в карманы пальто, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди. Как и всегда, она планировала избегать посещения «Мерфи», но ей нужно было поговорить с Кэрриком, а он, если она правильно помнит, скоро уезжает в Токио. Ей нужно сказать ему, что она переезжает из дома на Бикон-Хилл к Леви...

Но только для того, чтобы помочь ему.

Она определенно не может сказать брату, что надеется – как бы безумно это ни звучало, – что они с Леви вскоре наконец разденутся и она узнает, каково это – заниматься любовью со своим бывшим женихом.

Она провела много ночей, представляя, как его руки будут касаться ее кожи, каким сильным и нежным он будет, когда войдет в нее, заполняя ту пустоту и отчаяние, которые никогда не удавалось заполнить ни одному мужчине. Ей необходимо это узнать, потому что, честно говоря, ее сексуальное образование было неполным.

Их с Леви время прошло... Но пока она не переспала с ним, она не видит полной картины – в этом пазле не хватает важного кусочка. Как будто она не прочла последнюю главу захватывающей, хоть и печальной истории.

Танна услышала звук входящего сообщения на своем телефоне. Она провела пальцем по экрану и прочитала сообщение от Кэррика: «Охрана только что предупредила меня о подозрительной женщине, которая осматривает здание. Тащи сюда свою задницу, пока тебя не арестовали».

Танна усмехнулась. Она знала, что охранная фирма компании использует программное обеспечение для распознавания лиц, и ее опознали в течение нескольких секунд после прибытия.

Танна поздоровалась со швейцаром и вошла в главное здание, ее ботинки гулко стучали по полированному полу. Танна нередко заходила на сайт «Мерфи» и знала, что скоро состоится аукцион скульптур Генри Мура и коллекции винтажной одежды и аксессуаров. Ей хотелось пойти на оба мероприятия, но она знала, что не может позволить себе это: слишком много воспоминаний, с которыми она не готова иметь дело.

Танна смотрела, как молодая женщина в черной юбке-карандаш и туфлях на высоком каблуке взбежала по мраморным ступеням, ведущим в кабинеты этажом выше. Она подавила волну зависти. Как повезло этой женщине, что она работает здесь, общается с любителями искусства, коллекционерами. Она погружена в творчество, окружена красотой.

Это могла бы быть она. Она работала здесь до отъезда из Бостона. «Ты сама решила уйти, Танна, никто тебя не прогонял».

Она ушла, потому что у нее не было права вести жизнь своей мечты, жизнь, для которой она рождена. У Эдди не было такого шанса, и это вина Танны. И поэтому она должна делать больше, быть лучше, быть полезной.

Искусство прекрасно, но это не имеет значения... Ей не следовало сюда возвращаться. Надо было просто позвонить Кэррику...

Чувствуя себя грустной и взволнованной, со слезами на глазах, Танна взбежала на один лестничный пролет, прошла через охрану и поднялась еще выше. Ноги сами понесли ее по коридору к большому кабинету Кэррика на третьем этаже, и, поздоровавшись с Маршей, ассистентом Кэррика, она постучала в приоткрытую дверь. Увидев ее, брат широко улыбнулся. Он поцеловал ее в щеку и ошеломленно покачал головой.

– Почему ты так на меня смотришь? – спросила Танна, бросив свою сумку на один из стульев.

– Я просто счастлив, что наконец уговорил тебя прийти сюда, а еще я подумал о том, как сильно ты похожа на маму, – ответил Кэррик. Танна оценила это замечание, но она знала, что не сможет сравниться со своей невероятно красивой матерью. – Я знаю, что не часто говорю о ней, Тан, но я все равно скучаю по ней. Я скучаю по ним обоим.

Глаза Танны затуманились от слез.

– Я тоже. Но я не помню их так хорошо, как ты.

Кэррик указал на свой заваленный бумагами стол.

– Сегодня мне бы не помешала папина помощь, – признался он.

Танна опустилась в кресло и скрестила длинные ноги.

– Проблемы? – Она не могла не задать этот вопрос. Компания «Мерфи» была и всегда будет огромной частью ее.

Кэррик обошел свой огромный стол и присел на него.

– А когда их не бывает?

– Расскажи мне.

На одну-две минуты ей захотелось притвориться, что она все еще часть этого бизнеса. Танне так и не довелось поговорить об искусстве с коллегами. По большей части искусство их не интересовало, а кроме того, они были чертовски заняты спасением жизней.

Но сейчас она не на работе и может проводить время, обсуждая клиентов «Мерфи» и коллекции со своим старшим братом. Это ведь ничего не значит.

– Для человека, который заявил, что не интересуется семейным бизнесом, ты все еще задаешь уместные вопросы и делаешь разумные предложения, – сказал Кэррик позже, посылая ей лукавую усмешку. – Ты все еще можешь быть здесь полезной, особенно в отношениях с клиентами. Тебе нравятся люди, ты любишь искусство, ты от природы теплая и обаятельная, совсем как мама. Тебе точно все еще нравится быть врачом скорой? – спросил Кэррик, прежде чем она успела к этому подготовиться.

Танна уставилась на кончик своего кожаного ботинка.

– Это очень важная работа.

– Ты не ответила на мой вопрос, – не уступал Кэррик. – Тебе это нравится?

Она не испытывает к этой работе ненависти, вот и все.

Танна посмотрела на картину, стоявшую на мольберте в углу кабинета, и вздернула подбородок. Она не собиралась портить свою поездку в «Мерфи» ссорой с братом. Поэтому сменила тему разговора:

– Это что, Гомер?

Кэррик, слава богу, был не против переключиться.

– Мы не уверены, – сказал он, глядя на портрет двух детей и их матери-афроамериканки.

– Это очень мощная картина, и если это не Гомер, то превосходная подделка.

– У меня назначена встреча с детективом-искусствоведом, которого мы нанимаем, чтобы выяснить происхождение картины и провести экспертизу.

– Я думала, он есть в штате. Разве не этим занимается Финн?

– Финн проверяет и перепроверяет происхождение всех картин, которые мы выставляем на аукцион Маунтинг-Мэтьюз. Это будет самая крупная распродажа десятилетия, и мы работаем над ней уже несколько месяцев. Финн зашивается.

Мы найдем детектива, которому доверяет Тамлин, потому что именно она в конечном итоге решит, настоящий это Гомер или нет, – продолжил Кэррик.

Танна похолодела при упоминании его бывшей, хоть они с Тамлин никогда не ссорились.

– Ты имеешь дело с этой ведьмой?

Настала очередь Кэррика сменить тему, и он сделал это, постучав указательным пальцем по циферблату своих часов.

– У меня назначена встреча в пять, и мне нужно уехать в аэропорт через час. Так была ли причина для этого визита, или ты просто зашла поздороваться?

Танна почесала лоб и наморщила нос.

– Кстати, о возвращении в прошлое...

– Да?

– Итак, как я уже сказала, я пробуду в Бостоне около шести недель... Сегодня утром я ходила к Леви. Я хотела извиниться перед ним, посмотреть, смогу ли я все исправить.

Кэррик поморщился, и Танна не винила его. Они оба знали, что пара слов ничего не изменит.

– И как он отреагировал?

– Не очень хорошо, – призналась Танна. – Я извинилась. Он был пренебрежителен.

Танна посмотрела через плечо брата на невероятный вид, открывающийся из окна на районы Даунтаун-Кроссинг и Бостон-Коммон. Кэррик сложил руки на груди, склонил голову набок и стал ждать продолжения. Каким-то образом он знал, что есть по крайней мере десять тысяч пунктов, о которых она не говорит.

– Он все еще сердится на меня. Говорит, что я у него в долгу и могу кое-что сделать, чтобы отплатить ему.

Кэррик нахмурился:

– Ты наконец скажешь мне, чего хочет Бруган, Тан?

– Он хочет, чтобы я переехала к нему. Ему нужен кто-то, кто выполнял бы его поручения, готовил и убирал. – Танна скорчила гримасу. – Он говорит, что мне может спокойно грубить, и ему это удобно. А другим – нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vud_dzhoss/neizbezhnoe-iskushenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)